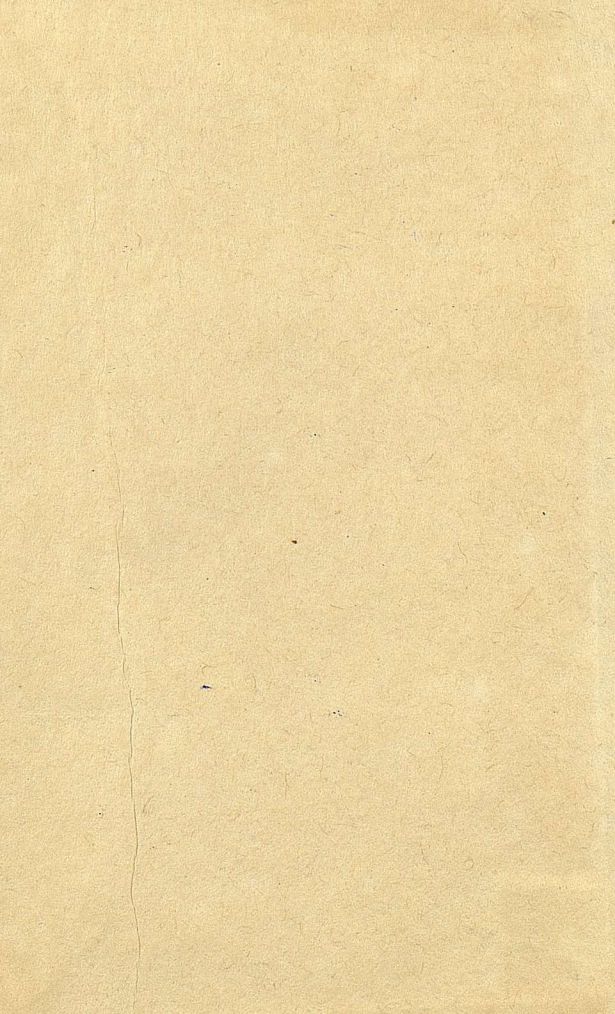

M⁷⁷
988

15969-0

**Начальные лица въ Олонецкомъ
краѣ въ царствованіе Петра Ве-
ликаго.**

Литература:

Акты историческіе, т. IV, № 39, 90 и др.
Барсовъ: «Палеостровъ» стр. 7, 25, 32—5,
37, 52, 54, 57—8, 64, 67—8, 70—1. Берхъ:
«Жизнеописаніе російскихъ адмираловъ»,
СПБ. 1829, «Боцисъ». Горный журналъ 1826
г. Письма Геннина №№ 25, 26, 29, 34, 35,
44, 45, 56, 61, 64, 69, 84, 91, 101. Ела-
гинъ: «Мат. для исторіи рус. флота», т. I,
СПБ. 1865, стр. 5, 99, 113, №№ 79, 81—
4, 101, 102, 115, 123, 125, 145, т. III,
СПБ. 1866, стр. 1, 496, 501—2, 513—4,
526, 529 и др. Олон. Губ. Вѣд. 1856 г., № 12,
1849, № 21; Олон. сбѣрн. II вып. 1875—6,
отд. II, 69—92; III вып. 1894; Акты, стр.
72 и слѣд; «О Высоч. посѣщ. Олон. губ. въ
XIX ст.» вып. IX стр. 27—8; Пам. кн.
Олон. губ. 1864 г., акты; письма и бумаги
Петра Великаго т. II. СПБ. 1889; № 429,
стр. 61, § 9.

2010514019

Учрежденіе воеводскаго управленія въ Олонецкомъ краѣ. Дѣятельность воеводъ до Петра В. Инструкціи Сергѣю Малово. «Заговоръ». Роль Олонецкихъ воеводъ при Петрѣ В. Новое начальство. Комендантъ Ив. Як. Яковлевъ. Шаутбенахты графъ Джіованни Боцисъ и Янъ-Фанъ-Резъ. Вице-комендантъ Ал. Чоглоковъ. Отношенія ихъ къ чинамъ центральнаго управленія и взаимныя. Вилліамъ де-Геннинъ.

Войны со Швеціей и вообще осложненія на сѣверо-западной границѣ, начавшіяся въ половинѣ XVII ст., побудили русское правительство выдѣлить въ 1647—9 г.г. Олонецкій край изъ состава Новгородскаго уѣзда и дать ему собственное управленіе во главѣ съ воеводой.

Воевода, начальникъ вновь образованнаго Олонецкаго уѣзда, жившій въ Олонцѣ, переименованномъ изъ погоста въ городъ, съ передачей отъ митрополита въ казну, былъ облеченъ военной, административной и судебной властью съ содержаніемъ въ годъ (вмѣстѣ съ дьякомъ) среднимъ числомъ по 3934 руб. 19 алт., получавшихся сборомъ съ населенія. Устраивая край по силѣ своего разумѣнія и желанія, ограждая его отъ

лихихъ и непріятельскихъ людей и творя судъ и расправу, воеводы въ своихъ отношеніяхъ къ населенію руководились главнымъ образомъ личнымъ усмотрѣніемъ. При низкомъ уровнѣ умственного образованія и нравственнаго развитія, ничтожности правительственнаго и полномъ отсутствіи общественнаго контроля, они преимущественно заботились о собственныхъ интересахъ. Акты говорятъ намъ о злоупотребленіяхъ, допускавшихся ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, при осуществленіи своихъ воинскихъ полномочій. Мы рассмотримъ одинъ крайне характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ 1657—8 г.г.

1657 г. въ Олонецкій уѣздъ для пополненія строя драгунъ и солдатъ былъ посланъ Иванъ Дивовъ. Обрадовавъ жителей Олонецкаго, Шуйскаго, Кижскаго, Шунгскаго и Выгозерскаго погостовъ ласковыми словами о царской къ нимъ милости, лишь бы они вѣрно служили, онъ допустилъ при исполненіи даннаго ему порученія рядъ вопіющихъ несправедливостей. Послѣ набора среди солдатъ оказались старые, увѣчные, больные, раненые и малолѣтніе ребята,—все бѣднота: мало мальски состоятельные откупились. Обманувъ ожиданія населенія, Дивовъ уѣхалъ.

Въ январѣ слѣдующаго 1658 г. указомъ изъ Москвы велѣно было съ Олонца, Заонежскихъ и Лопскихъ погостовъ выслать въ Псковъ тысячу солдатъ и драгунъ, но воеводою былъ данъ отвѣтъ, что драгуны и солдаты разбѣгаются, а посылаемые за ними высылщики говорятъ, будто «сыскать ихъ немочно». Тогда цифру подлежащихъ высылкѣ въ Псковъ убавили до 700, а въ лопскіе и заонежскіе погосты приказали послать высылщиковъ съ строгимъ наказомъ отправлять бѣглыхъ въ Олонецъ безъ посуловъ и подарковъ съ предупрежденіемъ, что съ уличенныхъ въ томъ будетъ взыскано втрое. Не имѣя изъ Олонца свѣдѣній о ходѣ этого дѣла, въ Москвѣ заподозрили, что начальныя лица высылщикамъ и бѣглымъ чинятъ норовку для своей корысти, но 20 февраля было получено донесеніе, будто указа о поимкѣ бѣглыхъ туда и не поступало; относительно же высылки солдатъ во Псковъ говорилось, что при извѣстіи объ этомъ 700 человекъ бѣжало, но что тѣмъ не менѣе, требуемые 700 солдатъ туда высланы и дано имъ на подъемъ по рублю. Для розыска же бѣглыхъ разосланы куда слѣдуетъ посыльщики съ строгими инструкціями «сыски-

вать на спѣхъ и учиня наказаніе высылать на Олонецъ».

— —

Между тѣмъ въ Москвѣ стало извѣстно, что въ моментъ требованія для Пскова тысячи человѣкъ, въ Олонцѣ было всего лишь «309 солдатъ полковника Томосова полка Краферта, а полковника де-Волтерова полку Кармихеля солдатъ никого не было», и боясь это поблажкой тамошняго старшаго военнаго начальства, которое отпускаетъ солдатъ по домамъ, а въ Москву пишетъ, что они бѣгаютъ; посыльщики же, съ безмолвнаго согласія своихъ начальниковъ, не высылаютъ бѣглыхъ на мѣсто службы, и всѣ наживаются.

Въ это время произошло еще одно обстоятельство.

Въ сѣзжую избу въ Олонцѣ поручикъ Воеводинъ принесъ жалобу на старосту Кижскаго погоста Ивашку Пигуся въ грабежѣ 300 руб., а Пигусь, оправдываясь, подарилъ эти деньги воеводѣ, да еще отъ себя жемчугу на 16 руб. Изъ разслѣдованія дѣла выяснилось, что Ивашко съ братьями и К^о давно уже чинили крестьянамъ Кижскаго погоста всякія обиды и насильство; дѣло наконецъ дошло до того, что Ивашко поставилъ въ

Кижакъ висѣлицу и сталъ вѣшать солдатъ безъ царскаго указа и вѣдома воеводы самовольно.

Объ этомъ также дошло до Москвы.

Для разслѣдованія безпорядковъ и злоупотребленій былъ посланъ Сергѣй Малово. По жалобѣ Воеводина ему повелѣвалось, забравъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, выслать всѣхъ въ Москву на спѣхъ на ямскихъ подводахъ и объ отсылкѣ донести въ приказъ тайныхъ дѣлъ.

Для разбора дѣла о бѣглыхъ солдатахъ была выработана цѣлая программа. Явившись въ Олонецъ, Малово долженъ былъ составить списокъ должностныхъ лицъ; допускаявшихъ злоупотребленія, и обязать ихъ подпиской и порукой до окончанія процесса никуда изъ Олонца не выѣзжать, а затѣмъ чинить имъ допросъ «накрѣпко, всякими обычаями» всѣхъ ли бѣглыхъ солдатъ въ лопскихъ и заонежскихъ погостахъ они высылали на службу или не всѣхъ? брали ли и какіе посулы и поминки и отъ кого? Велѣно было совѣтовать признаваться во всемъ безъ утайки, за скрытіе чего либо на допросѣ грозило жестокое наказаніе безъ пощады; чистосердечное признаніе облегчало наказаніе. Допросныя рѣчи подлежали записи и скрѣ-

пѣ,—собственноручной со стороны грамотныхъ и духовными отцами или посторонними лицами для неграмотныхъ.

По окончаніи допроса повелѣвалось собрать всѣхъ солдатъ и драгунъ Олонецкихъ, заонежскихъ и лопскихъ погостовъ, которые оказались бы въ Олонцѣ, сказать имъ царское спасибо за службу, обнадежить въ томъ же на будущее время и опросить, кто обижалъ ихъ,—воеводы, приказные, воинскіе и иныхъ чиновъ начальные люди, высылщики и командированные изъ Москвы раньше (Иванъ Дивовъ), какія обиды и насильства имъ нанесены, какіе налоги, посулы и поминки съ нихъ взяты. Претензіи свои они должны были изложить въ челобитныхъ, сказкахъ и роспискахъ со своими скрѣпами и безъ утайки, убавки или прибавки, не опасаясь пени великаго государя за свои вины или наказанія и обидъ отъ начальныхъ лицъ впредь: съ обидчиковъ въ пользу потерпѣвшихъ будетъ взыскано втрое, а наказаніе кромѣ того.

Челобитныя на старшихъ начальниковъ подлежали отсылкѣ государю и рѣшенія по нимъ велѣно было ждать указомъ. Низшія начальные лица подвергались немедленному допросу. Повинившимся безъ сыску наказа-

ніе облегалось; за взятые посулы, поминки и налоги они должны были отдать втрое. Въ чемъ они противъ челобитныхъ забирались, велѣно приводить на очныя ставки, а съ уличенныхъ сыскивать накрѣпко всякими сыски; уличенныхъ же и не признавшихся наказывать «съ жесточью» и битьемъ кнутомъ другимъ въ примѣръ и науку. Объ обидахъ, перенесенныхъ тѣми солдатами и драгунами, которыхъ въ моментъ возникновенія процесса не было уже въ Олонцѣ, велѣно опрашивать ихъ родственниковъ, точно также не опасаясь и не блюдаясь.

По окончаніи разбора всего дѣла приказывалось дать солдатамъ наставленіе служить съ радѣніемъ, не бѣгать, обѣщая за первое жалованье и милость государя, а за второе смертную казнь.

Въ заключеніе рекомендовалось самому ревизору производить дознаніе «никому неноровя», подѣ страхомъ опалы и жестокаго наказанія.

Каковы были результаты ревизіи Малова, намъ неизвѣстно, но мы видимъ, какіе грандіозные размѣры приняли злоупотребленія воинскими полномочіями и какъ сильно страдало отъ этого Олонецкое населеніе.

Не лучше оно чувствовало себя и съ су-

дебно-административной стороны. Тотъ добродѣтельный Олонецкій воевода, у котораго къ великому удивленію Петра, не оказалось якобы вовсе судебныхъ дѣлъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ составляетъ счастливое исключеніе и по условіямъ даннаго времени возможенъ лишь въ анекдотѣ. Совсѣмъ не то мы видимъ въ дѣйствительности. Въ судебныхъ процессахъ у населенія—съ монастырями и между собою—не было недостатка. Имѣя въ прошломъ отъ 150 до 500 лѣтъ, монастыри Олонецкаго края къ началу XVIII ст. успѣли пережить свѣтлый періодъ своего существованія. Основатели ихъ яркимъ, но мгновеннымъ блескомъ христіанскихъ добродѣтелей мелькнули на темномъ фонѣ окружавшаго ихъ языческаго мрака. Богатые Варлаамы, Хутынскіе братки уступили неимущимъ Корниліямъ Палеостровскимъ права на пользованіе мірскимъ достояніемъ, даромъ полученнымъ, *) и сошли съ житейской сцены. Съ теченіемъ времени Олонецкіе монастыри сами обогатились недвижимыми имуществами. Но по мѣрѣ обогащенія, подъ вліяніемъ общаго духа времени, которому подчинялись и всѣ почти монастыри свято-

*) Права на вешній ловъ рыбы въ сосѣднихъ съ палеостровскими челможскихъ водахъ.

русскіе, отношенія ихъ другъ къ другу и населенію съ почвы нравственной стали переходить на строго юридическую. Усвоивъ себѣ мысль о неотчуждаемости дарованныхъ имъ имуществъ, иноки зорко слѣдили за неприкосновенностью ихъ, преслѣдуя судомъ всякое покушеніе на свою собственность. Въ судебныхъ процессахъ одного лишь Палеостровскаго монастыря за вторую половину XVII ст., тѣсно переплелись его интересы съ интересами населенія громаднаго округа изъ нѣсколькихъ погостовъ кижскаго, шунгскаго, толвуйскаго, челмужскаго и пудожскаго. Постоянные успѣхи палеостровскихъ иноковъ въ тяжбахъ съ рѣдко сытымъ населеніемъ въ значительной степени, надо полагать, зависѣли отъ перевѣса матеріальныхъ ихъ средствъ, который особенно убѣдительно вліялъ на судей. И въ ожесточенныхъ, при томъ неоднократныхъ, такъ называемыхъ «раскольничьихъ» разгромахъ, постигшихъ Палеостровскій монастырь въ концѣ XVII ст. (1687—9 г.г.) слѣдуетъ, можетъ быть, видѣть, на ряду съ проявленіемъ религіознаго фанатизма, также и расплату съ иноками мѣстныхъ жигелей за свои судебныя неудачи.

Излишне говорить, что и тяжбы обыва-

телей другъ съ другомъ оканчивались преимущественно въ пользу богатыхъ.

Чувство страха, который испытывало население предъ властями, чрезвычайно живо выражено въ дошедшихъ до насъ памятникахъ народнаго творчества.

Приближаясь къ съѣзжей избѣ и желая успокоить свой встревоженный духъ, крестьянинъ прибѣгалъ къ обильному запасу заговоровъ и дрожащими устами начиналъ шептать «говоръ ко власти приходящимъ»: Господи Боже, благослови! о Господи Боже! Во имя Отца и Сына и Святаго духа и нынѣ и присно—кротостію и мудростію царя Давида! какъ царь Давидъ укротилъ и усмирить царей и князей еврейскихъ, такъ бы укротилъ сердце сего раба Божія (м) (имя рекъ) ко мнѣ рабу Божию». Переведя духъ и продолжая одобрять себя, крестьянинъ говорилъ далѣе «говоръ ко власти идучи»: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Обуздай, Господи, враговъ моихъ и супостатовъ, укроти ихъ предо мной, аки овецъ, и меня раба Божія (м), уготови на нихъ, аки льва и волка. И какъ обрадуется заря свѣту и свѣтъ солнцу, и такъ бы обрадовались всѣ православные крестьяне мнѣ рабу божію (м). И какъ не можетъ никто помыслить зла на

красное солнце и на свѣтлый мѣсяць и на утреннюю зарю, и такъ бы никто не могъ помыслить на меня, раба Божія (м), никакого зла. И сколь есть сладокъ медъ, и столь бы честенъ былъ я, рабъ Божій (м), своими прїѣздами и своими приходами, отъ нынѣ и до вѣка. Аминь».

Въ первые годы XVIII ст. Олонецкій воевода продолжалъ еще нѣкоторое время играть видную роль въ жизни края. Съ апрѣля 1702 г. начались широкія приготовленія къ осадѣ крѣпости Нотебурга. А такъ какъ Олонецкій гарнизонъ съ воеводой во главѣ былъ близокъ къ будущему театру военныхъ дѣйствій, то явился вопросъ о томъ или иномъ участіи его въ этомъ дѣлѣ. На докладѣ П. М. Апраксина послѣдовала резолюція Государя: «Олонецкій воевода въ служивомъ дѣлѣ чтобъ былъ послушенъ, для того солдатъ тутъ (въ Олонцѣ) съ 6000 человекъ, а отъ Ладоги Олонецъ 120 вер. и отъ нѣмецкихъ городовъ, отъ Орѣшка и отъ корелы близко». Но въ чемъ выразилось при осадѣ и взятіи Нотебурга послушаніе воеводы стольника кн. Семена Ѳедоровича Барятинскаго мы не знаемъ.

Вскорѣ послѣ того въ Олонецкомъ краѣ появились новыя учрежденія—верфь и заво-

ды и въ многочисленныхъ актахъ всей первой четверти XVIII ст. о воеводѣ уже не упоминается; онъ какъ то сразу оказался въ сторонѣ; мѣстная жизнь пошла мимо воеводы. Все важное перешло къ новымъ начальнымъ лицамъ, около которыхъ сосредоточился отнынѣ главный интересъ жизни края.

Въ числѣ первыхъ лицъ, явившихся къ новому дѣлу въ Олонецкомъ краѣ, были комендантъ Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ и шутбенахты (контръ-адмиралы) галернаго и корабельнаго флотовъ графъ Иванъ Ѳедоровичъ или Ѳедосѣевичъ Боцисъ и Янъ (Юганъ) фанъ Резъ. Всѣ они жили на верфи въ Лодейномъ полѣ На Петровскомъ заводѣ имѣлъ пребываніе вице-комендантъ Алексѣй Чоглоковъ.

Требовательный и взыскательный, какъ начальникъ, и мелочный и самолюбивый, какъ человекъ, И. Я. Яковлевъ имѣлъ главное наблюденіе за ходомъ новаго дѣла въ Олонецкомъ краѣ и ближайшее завѣдываніе Лодейнопольскою верфью. Съ нимъ главнымъ образомъ сносилось центральное начальство — адмиралтейство *) и (въ силу особенной бли-

*) Напомнимъ, что здѣсь главными лицами были гр. Ѳ. А. Головинъ, президентъ адмиралтейства до смерти въ февралѣ 1707 г. и послѣ не-

зости къ Государю) губернаторъ А. Д. Меншиковъ по разнымъ вопросамъ; съ него взыскивали упущенія не только на верфи, но и на заводахъ; онъ отпускалъ деньги для расплаты съ заводскими рабочими. Явившись на верфь, Яковлевъ, особенно впервыя годы, оказался совершенно неподготовленнымъ къ новой дѣятельности. Крюйсъ общалъ «такъ привести Ивана Яковлевича, что во время двухъ годовъ онъ истинно знающій человѣкъ будетъ». Бопсисъ тоже находилъ, что комендантъ «въ такихъ дѣлахъ, какъ видится, не искусенъ». Онъ умеръ въ январѣ 1707 г.

го гр. Ф. М. Апраксинъ, родственникъ Государя (сестра его Марѳа была въ замужествѣ за братомъ Петра Θεодоромъ), адмиралъ флота, президентъ адмиралтейства и съ 1718 г. президентъ адмиралтействъ коллегіи, въ рукахъ котораго сосредоточивалось все морское вѣдомство, человѣкъ энергичный и исполнительный и вмѣстѣ добродушный и привѣтливый въ обращеніи, и Корн. Иван. Крюйсъ, (или Яковлевъ) Норвежскій уроженецъ, вице-адмиралъ и съ 1718 г. вице-президентъ коллегіи, завѣдывавшій кораблестроеніемъ, портовымъ управленіемъ—судами поманвыми и разбитыми при окончаніи компаніи до момента выхода на рейдъ уже готовыми къ плаванію, — и корабельными мастерами, человѣкъ, обладавшій обширными и разносторонними морскими свѣдѣніями, правдивый, но вмѣстѣ строптивый и неуступчивый. Съ нимъ трудно было ладить.

По смерти Яковлева до 1713 г. верфью завѣдывалъ подъ руководствомъ совѣтника адмиралтейства А. В. Кикина комиссаръ Тормасовъ. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось.

Графъ Джіованни или иначе Иванъ Оедосѣвичъ или Оедоровичъ Боцисъ, родомъ изъ Далмаціи, пріобрѣвшій большія познанія въ морскомъ дѣлѣ въ теченіи 17 лѣтней службы «комиссаромъ всего архипелагу въ армадѣ венецкой, перешелъ на русскую службу въ 1702 г. и былъ назначенъ на верфь въ Лодейное поле шаутбенахтомъ галернаго флота. Заявляя коменданту свою нелюдимѣрную «яко единому сердечному брату, любовь и почтеніе», лукавый далматинецъ, любившій хорошо выпить и закусить, въ письмахъ къ Головину обвинялъ того же коменданта въ невѣжествѣ и чиненіи ему, Боцису, помѣхъ. Впрочемъ, они не долго служили вмѣстѣ. Человѣка, имѣвшаго «и разбойниковъ всѣхъ въ архипелагѣ подъ своимъ покорствомъ», тяготило удаленіе отъ живого дѣла; южная кровь его и долголѣтняя привычка требовали битвы. Въ маѣ 1705 г. онъ сталъ просить Головина и Государя о переводѣ во флотъ; просьба была уважена и въ томъ же 1705 г. мы видимъ его въ

морѣ, съ сохраненіемъ прежняго званія шаутбенахта. Въ маѣ 1708 г. онъ завоевалъ г. Борго.

Въ дальнѣйшей службѣ своей на морѣ Боцисъ имѣлъ много столкновеній съ вице-адмираломъ Крюйсомъ по разнымъ поводамъ и умеръ, какъ догадывается Берхъ, въ августѣ 1714 г. во время похода подъ Гельсингфорсъ.

Шаутбенахтъ корабельнаго флота Янъ (Юганъ) фанъ Резъ, слабохарактерный и безвольный, совершенно заслоненный комендантомъ, не оставилъ слѣдовъ своей дѣятельности ни въ обычныхъ дразгахъ того времени, ни въ какихъ либо подвигахъ. Онъ умеръ въ ноябрѣ 1705 г.

Вице-комендантъ Алексѣй Чоглоковъ, не пользовавшійся, повидимому, вниманіемъ со стороны центральнаго начальства, такъ какъ его даже не считали нужнымъ именовать по отчеству, которое такъ и осталось неизвѣстнымъ, совершенно не зналъ горнаго дѣла, которое было ему поручено; онъ очень дипломатично держалъ себя съ властями, не исключая и коменданта, но, тѣмъ не менѣе съ большой твердостью отстаивалъ предъ нимъ свою самостоятельность въ области ему отведенной. По смерти И. Я. Яковлева къ

нему перешло достоинство коменданта. Какой конецъ постигъ его и когда—намъ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не позже 1713 года.

Взаимныя отношенія новыхъ властей сложились нежелательнымъ для пользы дѣла образомъ.

Чины центрального управленія плохо ладили другъ съ другомъ и давали разнорѣчивыя приказанія, затруднявшія мѣстное начальство. Такъ, комендантъ Ив. Як. Яковлевъ доводитъ до свѣдѣнія губернатора А. Д. Меншикова, что вице-адмиралъ Крюйсъ постоянно требуетъ припасовъ и шлетъ росписи, а отъ него, Меншикова, есть приказаніе безъ своего позволенія не готовить припасовъ по росписямъ вице-адмирала и къ нему не отпускать. Что ему, Яковлеву, дѣлать? Съ другой стороны, Крюйсъ выговаривалъ Яковлеву, что онъ мимо него «спрашиваетъ у первой главы, которой флотомъ именно командуетъ». Особенно сильны были несогласія Крюйса съ Яковлевымъ. Мы расскажем два случая весьма характерныхъ для той обстановки, въ которой приходилось работать дѣятелямъ петровской эпохи въ Олонецкомъ краѣ.

Письмомъ отъ 23 марта 1705 г. вице-ад-

миралъ Крюйсъ просилъ Яковлева прислать къ нему въ Петербургъ двухъ человѣкъ нѣмцевъ и 60 русскихъ «плотниковъ добрыхъ». Нѣсколько времени спустя оказалось, что работы такая масса, что если бы и 284 человѣка было прислано, то всѣхъ бы заняли на 6 недѣль. Между тѣмъ, Яковлевъ прислалъ 23 человѣка здоровыхъ да 4 больныхъ, «наипаче еще такихъ, которые негодны». Выговоръ не замедлилъ. «Сіе чинится отъ тебя», писалъ ему Крюйсъ, будто тебѣ въ томъ какое веселіе и радость есть, что ты меня во всякомъ дѣлѣ дразнишь и на мною будто издѣвку чинишь; только мой господинъ, я милости твоей подлинно и вправку чиню вѣдомо, что если ты мнѣ на все подлинную вѣдомость и отвѣтъ не учинишь и не пришьешь, такожь не учинишь вскорѣ отпускъ плотниковъ и буде мнѣ апрѣля до 22 числа отъ тебя подлиннаго управненія и на все отвѣту не будетъ и тогда въ такой случай я не буду черезъ почту или нарочныхъ посыльщиковъ къ В. Г. отпускать, только мнѣ сто того я самъ отсель поѣзду, чтобъ В. Г. гдѣ получить и обо всемъ ему словесно вѣдомо учинить. Мой господинъ, вѣдь мнѣ невозможно супротивъ непріятеля съ голыми кулаками итти, надобно на меньшій конецъ

противъ той же манеры вооружиться, какъ и непріатели его В. Г. и такое настоятъ въ добрыхъ пушкахъ и въ добромъ ружьѣ и оружіи со всякими прочими воинскими припасами». Яковлевъ отвѣчалъ на это что служить и приказанія исполнять онъ радъ и въ чемъ прогнѣвалъ, просить извиненія, но оправдывался болѣзнью, которая мучитъ его еще и теперь.

Припасовъ между тѣмъ все не было. Тогда Крюйсъ, донимая коменданта, въ письмѣ отъ 17 апрѣля обратилъ его вниманіе на то, что въ Петербургѣ «избы и заборы ломаютъ для починки кораблей и всѣ люди, которые ко флоту надлежатъ, подъ небесною кровлею спятъ» и что когда онъ болѣ въ Голландіи, Воронежѣ и Архангѣльскѣ, то такихъ порядковъ не было.

Оба написали Меншикову, а тотъ Головину. Въ письмѣ къ Головину Меншиковъ находилъ, что вице-адмиралъ правъ, такъ какъ припасовъ въ Петербургѣ дѣйствительно нѣтъ и съ Олонецкой верфи въ присылкѣ малое число, да и Ив. Яковлевъ тоже правъ, такъ какъ «зимою отнюдь везти было немочно за скудостью подводъ и кормовъ», въ чемъ впрочемъ есть еще время исправиться; ссылка же на Голландію ничего не до-

казываетъ, такъ какъ «Петербургъ не Амстердамъ, стоитъ недавно и постоянно обновляется». Но неугомонный вице-адмиралъ донесъ обо всемъ Государю. Указывая въ письмѣ къ Яковлеву, что «многое неисправлено на тѣ корабли, которые въ Петербургѣ», Государь очень деликатно давалъ понять: «въ томъ зѣло осторожно надобно то имѣть, понеже когда неисправлено, то всеу деньги потеряны».

Эта исторія тѣмъ и закончилась. Но въ письмѣ къ Апраксину въ іюнѣ того же 1705 г. Крюйсъ съ горечью заявляетъ: «нынѣ, какъ по прямую рѣчить, такъ у меня здѣсь дѣло мое идетъ истинно съ неправедными людьми, какъ которые нынѣ у адмиралтейскихъ дѣлъ есть, почестъ съ первой главы Ивана Яковлевѣ, такожъ и прочіе и нѣкоторые при немъ».

Миръ съ неправедными людьми, держался у Крюйса недолго. Въ началѣ августа Яковлевъ былъ въ Петербургѣ и видѣлся съ вице-адмираломъ, при чемъ тотъ заявилъ требованіе, чтобы на будущій годъ на весь морской флотъ было наготовлено припасовъ заранѣе «со удовольствованіемъ» по росписи, которую обѣщаль прислать. Но такъ какъ ея не было и въ концѣ августа, то комен-

дантъ спросилъ о ней письмомъ у Меншикова, присовокупивъ, что когда такая роспись будетъ ему прислана, то что онъ прикажетъ по ней дѣлать? Надо полагать, Меншиковъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Апраксина, «1-й главы, который флотомъ командовалъ», а тотъ сообщилъ Крюйсу. Это раздражило строптиваго вице-адмирала, и въ сентябрѣ онъ разразился письмомъ, наполненнымъ язвительными выходками противъ Яковлева: «присылаю я къ тебѣ по желанію твоему роспись, что надобно въ наполненіе его В. Г. магазиновъ... Я милости твоей присовѣтываю, такожь и всѣмъ, которые у милости твоей подѣ^нначаломъ стоятъ, чтобы они никогда въ этомъ не мыслили, что спрашиваетъ у первой главы, который флотомъ имянно командуе^т, что имъ съ пушками, мортирами, досками, бревнами, провіантомъ и всякими иными припасами дѣлать, а такое не надлежитъ спрашивать отъ самого В. Г. или отъ первыхъ министровъ или господъ и м. т. не изволь размышлять, что тѣ которые флаги возятъ или иные, которые команду держатъ, всегда будутъ готовы тебѣ или твоимъ слугамъ отвѣтъ и щетъ давать или посылать письма, куда гвозди вколачивать, краски и масло куда размазывать будутъ».

Долго еще выговаривалъ (двѣ печатныхъ страницы) Крюйсъ Яковлеву и письмо заключилъ такъ: «сіе все я пишу тебѣ, аки братъ и добрый пріятель». Однако, черезъ день неугомонный вице-адмиралъ снова бомбардируетъ Олонецкаго коменданта письмомъ (полторы печатныхъ страницы). Оказалось, что Яковлевъ все таки росписи не получилъ или писалъ, что не получилъ и спрашивалъ про нее у капитана Грея, присланнаго на верфь. Крюйсъ отписывалъ: «милость твоя всегда мое письмо поволишь къ сторонѣ класть, а ко мнѣ посылаешь многіе комплименты и великую ложь вмѣсто припасовъ. И когда я къ м. т. такого капитана пришлю съ указами, которые моей руки подписаны и такое не довольно ли м. т.? И напримѣръ я м. т. скажу, когда бываетъ м. т. въ гостяхъ и поволишь веселиться, а досугу въ такомъ случаѣ м. т. не будетъ письмо мое прочитать, тогда можетъ тотъ капитанъ м. т. сидя за столомъ на краткѣ словесно сказать, на которые слова м. т. поволишь въ тотъ часъ указъ послать безъ разставанья доброй бесѣды и гостей». Не лучше относились другъ къ другу и мѣстные власти. Поводовъ къ столкновеніямъ было не мало. Такъ, Яковлевъ позволялъ себѣ вмѣ-

шиваться въ область, отведенную Чоглокову, напр., указывалъ, на какихъ заводахъ что дѣлать. Дипломатичный еще-комендантъ от- вѣчалъ, что слушать его въ этомъ безъ гу- бернаторскаго вѣдома не смѣетъ, «для того, что ему заводовъ вѣдать не вѣлно». Кромѣ того, на верфи иногда задерживались со- всѣмъ готовые суда, подлежащія отсылкѣ въ Петербургъ, только потому, что съ заводовъ не присылались нужнѣйшіе припасы—пуш- ки, якоря, чугунныя доски и др., о чемъ къ Чоглокову, «многіе указы и нарочные посоль- щики были по вся недѣльно» въ теченіи по- лугода,—и совершенно напрасно, такъ какъ военные припасы тоже были готовы на весы флотъ, но лежали на заводахъ «не для ино- го чего, только что за неочищеніемъ отъ льду Онежскаго озера».

Эти и подобныя недоразумѣнія возбужда- ли взаимное неудовольствіе двухъ началь- никовъ, и оба писали другъ на друга въ Пе- тербургъ, вызывая центральное начальство на замѣчанія: «для Бога въ дѣлахъ имѣйте согласіе; сами вы вѣдаете, что не посторон- нее какое,—его В. Г. дѣло на васъ положе- но (Меншиковъ—Яковлеву)».

По смерти Яковлева, верфь, какъ сказано, перешла въ вѣдѣніе комиссара Тормасова.

Крюйсъ, на котораго угодить было очень не легко, былъ весьма доволенъ ходомъ дѣлъ на верфи; впрочемъ, къ тому времени дѣятельность ея по разнымъ причинамъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, значительно ослабѣла. Главное вниманіе было обращено на развитіе въ Олонецкомъ краѣ горнаго производства. Указомъ отъ 4 января 1714 г. сюда былъ назначенъ новый комендантъ и управитель Вилліамъ де-Геннинъ. Иноземецъ по происхожденію (изъ Нассау-Зигена), Вильямъ де-Геннинъ поступилъ фейерверкомъ на русскую службу въ 1698 г. Природная смышленость, служебная исполнительность и благопріобрѣтенная протекція доставили ему чрезъ 15 лѣтъ службы — эполеты подполковника на плечи, золотую медаль съ алмазами на грудь и доходы отъ имѣнія около Кексгольма въ карманъ; съ чѣмъ онъ и явился въ Олонецкій край. Свои преждевременной просѣдью, слабой грудью и ревматизмами, нервный и вспыльчивый, сгорая способный наговорить на прямыя торжественныя истины и остынувъ терзаться своей произвольной рѣзкостью, нажившей ему много враговъ, и скорѣе живой и подвижный, сухощавый и высокій, чѣмъ спокойно-флегматичный, низкій и плотный, — такимъ пред-

ставляется намъ по сохранившимся документамъ Геннинъ, новый начальникъ Олонецкаго края, по призванію горный инженеръ, съ увлеченіемъ отдававшійся любимому занятію и подробно описывавшій постановку и ходъ заводскаго дѣла даже въ письмахъ къ Екатеринѣ I.

Предыдущая служба и новыя обязанности ставили его въ дѣловые сношенія съ различными властными лицами. Начальственные отношенія, мыслящіяся въ идеѣ созданными объективно, но въ дѣйствительной жизни представляющія ежедневные примѣры уклоненія въ сторону симпатіи или антипатіи, сложились для Геннина счастливѣе, чѣмъ для его предшественниковъ. Мы не видѣли, чтобы Чоглоковъ или Яковлевъ пользовались расположеніемъ центральнаго начальства. Скорѣе даже наоборотъ. Геннинъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ Апраксинымъ. По собственному признанію Геннина, Апраксинъ и «человѣкомъ его сдѣлалъ». Со своей стороны, Геннинъ на него возлагалъ «всю свою во всемъ надежду» и кромѣ него, своего «второго отца», не зналъ «вѣрнаго друга», которому обстоятельно и подробно отписывалъ обо всемъ, что дѣлалось въ краѣ, и которому посылалъ даже копіи своихъ пи-

семъ къ другимъ лицамъ. Близость ихъ во многихъ случаяхъ оказалась весьма полезною для дѣла, порученнаго Геннину. Въ качествѣ коменданта и управителя желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ онъ находился въ Олонецкомъ краѣ до 1722 г.

Отношенія перечисленныхъ начальныхъ лицъ къ населенію Олонецкаго края зависѣли не столько отъ личнаго усмотрѣнія того или другого, сколько отъ того дѣла, которое было возложено на населеніе и отвѣтственность за которое лежало на новомъ начальствѣ.

В. Мелорскій.

Опечатки:

Напечатано.

Слѣдуетъ.

Варлаамы Хутынскіе.

Варл. Хуутынскіе.

Продолжая одобрять.

Продолжая ободрять.

Перепечатано изъ «Ол. Губ. Вѣд.» 1904 года.

Олонецкая Губернская Типографія 1904 г.

2010514019